

## На переломе — эпизод 26 из 27

По классу проносится струя спиртного запаха, кадеты гогочут, а Иван Иванович говорит жалобным тоненьким голоском, прижимая пальцы к вискам:

Не смейтесь, господа, нехорошо смеяться. Я человек больной, у меня порок сердца. Если я не буду принимать лекарства, я могу каждую минуту умереть. Ставил он исключительно высшие баллы, а в старших классах перед экзаменами предлагал кадетам написать ему на общей бумажке, кто что хочет отвечать. На уроках его каждый делал, что хотел: читали романы, играли в пуговки, курили в отдушник, ходили с места на место. Он только нервно потирал свои виски пальцами и упрашивал:

Господа, господа, потише... Пожалуйста, потише... Инспектор услышит... У него было два прозвища: Фан Фаныч и почему-то Елена с ушами. Он был маленький, белокурый, лысенький, в пенсне, которое у него поминутно спадало. Но у этого кроткого, забитого человека водилось одно редкое и симпатичное пристрастие любовь к истории Петра Великого. На ее прохождение он тратил почти весь год в седьмом классе и читал ее, конечно, не по Иловайскому, а по серьезным научным источникам. Когда кадет, отвечая урок о Полтавской битве, приводил знаменитый петровский указ, кончающийся словами: а о Петре ведайте, что Петру жизнь не дорога, жила бы только Россия, ее слава, честь и благоденствие, Иван Иванович неизменно останавливал его и, потирая виски, со слезами на глазах восклицал тоненьким, восторженным голосом:

Ах, какие слова! Повторите, пожалуйста, еще раз это прекрасное место. Господа, господа, прислушайтесь, прошу вас.

И уж, конечно, ставил отвечавшему двенадцать баллов.

Иногда, прерывая свою лекцию о Петре, он вдруг восклицал мечтательно: Ах, господа! Всегда самая моя заветная мысль была это приобрести хорошую английскую гравюру с портрета Петра Великого. Но я человек бедный. Я бедный человек, господа...

На почве этой его необузданной любви к памяти великого царя произошел однажды смешной и трогательный эпизод. Кадет Трофимов рыжий длинный балбес со ртом до ушей и в веснушках встал, науськанный кем-то, и спросил: Иван Иванович, а правда, что Петра называли великим за то, что он был большого роста?

Болван! вдруг завизжал Иван Иванович и побагровел, и затопал ногами.

Негодяй! Шут!

И, схвативши с тумбочки губку, он запустил ею в Трофимова. Но этого ему

показалось мало. Он быстро взбежал на кафедру, развернул журнал и одним движением пера вlepил Трофимову такую единицу первую единицу за всю свою учительскую деятельность, которая растянулась по крайней мере на шесть чужих клеток вверх и вниз.

Пил и другой учитель русского языка Михаил Иванович Труханов, и пил, должно быть, преимущественно пиво, потому что при небольшом росте и узком сложении отличался чрезмерным животом. У него была рыжая борода, синие очки и сиплый голос. Однако с этим сиплым голосом он замечательно художественно читал вслух Гоголя, Тургенева, Лермонтова и Пушкина. Самые отчаянные лентяи, заведомые лоботрясы, слушали его чтение, как зачарованные, боясь пошевелиться, боясь пропустить хоть одно слово. Какой удивительной красоты, какой глубины чувства достигал он своим простуженным, пропитым голосом. Ему одному обязан был впоследствии Буланин любовью к русской литературе.

Учителя немецкого языка, все как на подбор, были педантичны, строги и до смешного скупы на хорошие отметки. Их ненавидели и травили. Зато с живыми, веселыми французами жили по-дружески, смеялись, острили на их уроках, хлопали их по плечу. Если французский язык был в начале и в конце классных занятий, то особенным шиком считалось вместо молитвы до и после ученья прочитать, например, Чижика или Эндер бзндер козу драл.

Однако были и свирепые преподаватели, например учитель географии, подполковник Лев Васильевич Рябков. Сухой, желчный, вспыльчивый человек. Он решительно всем воспитанникам, даже в старших классах, говорил ты, младших дергал за уши и вытягивал линейкой между плеч, а иногда даже лягался шпорой. Но любимым для него развлечением было вытащить к карте кадета с польской фамилией и непременно католика. В течение целого часа изошрялся над ним Рябков, зло и грубо карикатуря его язык, национальность и религию. Тут бывало и жечь посполита, и от можа и до можа, и крулевство польске, и матка боска Ченстоховска, змилуйся над нами, над поляками, а над москалями, як себе хцешь.

Этот Рябков удивительно красиво и точно чертил на доске мелом географические карты прямо точно печатал.

Но бедному Буланину было в этот год не до науки. Над ним стряслась жестокая и позорная катастрофа.